

Опасная фантазия

Наше недавнее прошлое

16+

Виктория Гендрик

Виктория Гендрик

Опасная фантазия

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Гендрик В. Н.

Опасная фантазия / В. Н. Гендрик — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Эта детективная история описывает наши дни. Она происходит в ближнем зарубежье и посвящена раскрытию одной семейной тайны. В основе сюжета лежит связь времён и поколений, запутанные родственные отношения и борьба за наследство.

© Гендрик В. Н., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Опасная Фантазия

Глава 1.

.... День обещает быть замечательным! За окном солнышко. Машину от снега чистить не надо! Надюша хлопочет на кухне и о чем-то тихонько разговаривает с Николаем. Пахнет кофе! Запах кофе – лучший мой будильник!

Вчера на ученом совете все прошло великолепно. Ни одного черного шара! Ура! А я все-таки волновалась, ведь очень перспективный молодой человек, и что немаловажно, титульной нации, претендовал на мое место. Думаю, если бы бездушный компьютер делал выбор, то вряд ли мне так повезло. Другое дело коллеги! Видимо, ставили себя на мое место.

Итак, любимой работой на шесть лет я обеспечена. Дальше – пенсия, а значит с наукой можно, да и пора уже, завязывать. И побольше внимания не помешало бы уделять Николаю и сыну. Да и Надежда Петровна с домом уже плохо справляется. Ей бы подлечиться в каком-нибудь санатории.

Обязательно об этом подумаю, но чуть позже, после разговора с Димой. Сейчас это – самое главное! Разговор, наверняка, предстоит нелегкий, особенно для Николая. Возвращаться в то тяжелое, хотя и очень далекое время! Для меня, по крайней мере, оно было таким. А для Николая? Кто знает? Ведь человеку свойственно запоминать только хорошее.

И это замечательно, что мы решили Диме все рассказать. Да что уж там, выбора у нас никакого и не осталось. Девица, подкатившаяся к нему на гастролях, вполне возможно, и есть его родная сестра. Мы никогда ему ничего о прошлом не рассказывали, а он и не спрашивал. Только раз, где-то в восьмилетнем возрасте, его заинтересовало наличие у него трех бабушек. У всех две, а у него три. При этом, его интересовала именно степень родства. Не помню, как мы там выкрутились: бабушки, прабабушки и т.д., но больше вопросов не было. А вот напряжение, по крайней мере у меня, оставалось. Ведь как известно, мир не без добрых людей! Особенно учитывая его публичность, его увлечение музыкой и эти бесконечные гастроли. Сейчас он уже 26-летний большой мальчик, вот-вот готовый обзавестись своей собственной семьей. Во всем разберется.

Главное – себя не накручивать, не думать о предстоящем вечернем разговоре Николая с Димой, думать о работе, о наступавшей весне, о кофе. Все встаю!

.... Бедные, несчастные мои предки! Они застряли в 20 веке! Никогда не видел, чтобы папа так волновался, рассказывая мне свою историю почти тридцатилетней давности. Он даже, как бы, оправдывался!

Видимо, это был для него очень значимый и непростой период жизни. Кто бы мог подумать, что и в нашей семье есть свои скелеты в шкафу!

.... Сколько себя помню, всегда тяготился патриархальным укладом жизни нашей семьи. У моих друзей и в школе, и в институте всегда что-либо да происходило в их семьях. Все это нами, мальчишками, бурно обсуждалось. Обсуждали, после чего шли в подвал полуразрушенного дома, где нам никто не мешал, да и мы мало кому мешали. Устраивали посиделки или репетиции, которые нередко затягивались на всю ночь. Никто никого никогда не искал. И только меня среди ночи забирали моя бабушка или мама. А если мы уезжали в Юрмалу на чью-нибудь дачу, так эсэмэсок и звонков было не счесть! С другой стороны, предки мои считались продвинутыми. Мать, постоянно общаясь со студентами, отмечала и принимала тенденцию молодежной моды. От меня требовалось лишь аккуратность и вечное:

– Пожалуйста, без фанатизма!

Дом наш всегда был открыт не только для моих друзей, но и просто знакомых. На столе тут же появлялось угощение. Спасибо Надюше! Помню, один мой одноклассник заявил:

– Тебе везет, ты каждый день кушаешь, как в ресторане!

И как бы я не старался, все равно очень долго для всех оставался маменькиным сынком. А наша семья считалась образцом носителей семейных ценностей. А вот теперь и у меня появилась сестра, да еще какая! Супер!

.... Наш солист Лешка был уверен, что этот огромный букет роз в руках ослепительной брюнетки предназначается ему. Как ей удалось от него увернуться и отдать его мне? Букет, да еще вместе с запиской. И какое же было мое удивление прочесть за кулисами: «Я твоя сестра». Ниже был номер телефона.

Первая мысль была, это – чей-то розыгрыш, чья та глупая шутка. В лучшем случае, девушка что-то напутала. А жаль, иметь бы такую сестру!

Последнее наше гастрольное выступление планировалось в тот же день в Дрездене. У входа уже ждал автобус, чтобы отвезти нас туда. При выходе из концертного зала, как и всегда, толпилась группа фанатов. Еще издали в толпе я заметил эту красивую девушку. И, конечно же, не удержался и тут же набрал номер, указанный в записке.

Я наблюдал, как она долго возится с сумочкой, вынимая свой мобильник, растерянно смотрит на него, затем поднимает голову и взглядом отыскивает меня. Я не знал, на каком языке к ней обращаться и что говорить. Было видно, что и она тоже в замешательстве. Мы просто пошли навстречу друг к другу, держа телефоны. Подойдя поближе, она просто обняла меня и на довольно хорошем русском тихо сказала:

– Позвони мне из дома!

– Обязательно, – был мой ответ.

Мое странное поведение и замешательство, конечно же, не осталось незамеченным моими друзьями. Всю дорогу они посмеивались надо мной, решив, что и у меня появилась какая-то ненормальная фанатка. Заметив при этом, что, чарам такой, пусть даже и не совсем нормальной, невозможно противостоять.

Я их не стал переубеждать, мечтая поскорее оказаться дома и поговорить с мамой. Нет, девушка на ненормальную не была похожа. Но в голове не укладывались обстоятельства, при которых все это могло быть правдой.

Я проигрывал все возможные варианты. Меня взяли из детского дома. Но, как же тогда все эти фото: из роддома, я на руках счастливого папы, в окружении Надюши и улыбающейся мамы. А дальше: первые шаги, празднование дней рождений – мне год, два, три и так далее... Может быть эта девушка – моя двоюродная сестра?

Я замучил себя вопросами, и, не находя на них ответов, мечтал поскорее вернуться домой.

Все, оказывается, намного проще! Ничто не рушится, ничто не меняется в моей жизни. Все остается на своих местах: милая моя мама, папа, любимая баба Надя. Плюс к этому такая красивая, надеюсь, умненькая сестричка. Все мне позавидуют! Сегодня же позвоню и приглашу ее к нам в гости. И это будет приятная неожиданность для нас всех!

Глава 2.

.... Похоже, Диме было гораздо легче все принять, чем мне все рассказать. Да и рассказывать оказалось-то особенно нечего. Женился по большой любви, рождаются двойняшки: девочка Маша и мальчик Дима. Теща Надежда Петровна приезжает помогать ухаживать за детьми. Детям нет и года как жена уходит, забирает дочь и уезжает в Германию. Вот формально и все. Банальная история!

А сколько было волнений, сколько страданий. И даже сейчас воспоминания терзают мою душу. А ведь я в разговоре с Димой ни словом не обмолвился о Кате? А он и не спросил. Похоже, его совсем не волновало, как и когда она появилась в его жизни. А ведь это должно

было бы его заинтересовать? Тем более, что на всех фотографиях он либо у нее на руках, либо она где-то рядом.

.... Милая, родная моя Катенька, ты всегда была со мною рядом. Порой ты понимала меня лучше, чем я сам себя. Вот и тогда, когда наш общий руководитель отправил нас на конференцию в Саратов и я, увидев Олю в фойе института, впал в ступор, ты сразу все поняла и тихо отошла в сторону.

.... Оля занималась в Саратове организацией нашей конференции, а мы с Катей тогда были аспирантами МГУ. Я был аспирантом последнего третьего года обучения, а Катя первого. Пришли в институт регистрироваться как участники конференции.

Оля стояла к нам спиной, когда я впервые ее увидел. Высокая, хрупкая, тоненькая тростиночка с темными длинными распущенными волосами, в какой-то длинной узкой юбке. Я тогда почему-то подумал, наверное, девушка приехала из Индонезии или Таиланда на нашу конференцию. Такие девичьи силуэты я встречал только в институте Лумумбы, что всегда поражало мое воображение. Когда я подошел к столу регистрации для получения рабочих материалов конференции, эта девушка обернулась и, обращаясь ко мне, спросила:

– Не нуждаюсь ли я в помощи?

Тут и случился со мной тот самый ступор! На меня смотрело своими огромными голубыми глазами ангельское личико. Я не был в состоянии произнести ни слово, но девушку это абсолютно не смутило. Она вытянула из моих рук приглашение, прочла его, и, взяв меня за локоть, подвела к нужному столу, передав заботу обо мне какой-то девочке.

И тут же, то же самое и с таким же успехом, проделала с очередным участником конференции.

Все остальное уже происходило со мной на автомате. Выступление, доклады друзей, встречи с нужными, порой просто необходимыми, для дальнейшей моей научной работы, людьми, все ушло на второй план.

.... Оставалась только Оля, одна Оля! Я, конечно же, отдавал себе отчет, что на конференции такой, влюбленный в нее, я был не один. Надо отметить, время конференций всегда располагает к романтическим отношениям. Одному Богу известно почему из огромного числа профессоров, научных сотрудников и аспирантов, крутившихся вокруг Оли, ее выбор пал на меня.

Через два месяца заканчивался срок моего обучения в Москве. И все это время я провел в поезде Москва-Саратов-Москва. Материала для диссертации у меня хватало, оставалось лишь все собрать, оформить, согласно всем предъявляемым требованиям, написать автореферат и подать в Ученый Совет МГУ. Но, к большому сожалению моего руководителя, этим в последнее время в Москве я совсем не занимался. Голова была забита совсем другим.

Руководитель с легким сердцем меня отпустил домой в Ригу, в надежде, что там-то я поработаю.

А я тут же пригласил Олю в Юрмалу. Мои родители постоянно на лето снимали летний домик у станции Лиелупе. Море, река, яхты, теннисные корты, тогда еще существовавший ресторан «Юрас Перле», и многое, многое другое в радиусе доступности. Вокруг красивая жизнь, тогда не слишком еще нам по материальным соображениям доступная, но указывающая нам ясную перспективу. Только здесь я впервые увидел Олю, как мне казалось, настоящей: смеющейся над анекдотом, плачущей над больным котенком.

.... Она так и осталась у меня в Риге. По нашему обоюдному желанию свадьба наша была скромной. Моя бабушка, переехав к моим родителям, уступила нам свою трехкомнатную квартиру. Безукоризненное владение немецким и английским языками позволило Оле выбирать место работы. Незнание латышского языка было значительным, но в те времена еще нерешающим, недостатком. Оля стала заниматься тем, что лучше всего у нее получалось: зарубежными

связями в Министерстве образования Латвии, обменом студентами и организацией студенческих практик за границей.

.... Все, казалось бы, складывалось как нельзя лучше. Но порой на душе у меня было тревожно. Если для всех окружающих я летал от счастья, то Оля впечатление счастливой женщины не производила. Этот диссонанс был так заметен, что позволял мужчинам, даже в моем присутствии, начинать за ней ухаживать. Нет, она вела себя достойно, но сама ситуация меня сильно ранила. Мы не опускались до выяснения отношений и кухонных разборок. И, похоже, Оля считала, что все так и должно быть. А я, тем не менее, мучился, что со мной она не чувствует себя счастливой.

.... Мои родители к нашему браку отнеслись с прохладцей. Моя мама, забываясь, иногда Олю называла Катенькой, без всякого на то основания. Ведь мою молодую коллегу Катю они видели только один раз, когда та зашла к нам, надеясь, что я помогу ей оформить документы для поступления в аспирантуру. Я тогда уже был аспирантом второго года обучения. Ее визит закончился грандиозным чаепитием. Все члены моей семьи остались в восторге от Катиной легкости, интеллигентности и остроумия. С тех пор и повелось подкалывать меня Катей по любому поводу и без повода.

Через год Катюша действительно поступила в аспирантуру и, не без моей подачи, попала к моему же руководителю. В Москве я как бы взял над ней шефство, что льстило мне и, как мне казалось, устраивало и Катю. А вот кому это особенно нравилось, так это нашему руководителю. Он не очень любил руководить женщинами, считая, что с ними всегда слишком много хлопот.

Наши с Катей научные темы настолько переплетались, что нам приходилось много времени проводить вместе. Общие семинары, общая литература, работа в библиотеке, наконец, общие переговоры и обсуждение результатов с руководителем.

Когда я рассказал Кате, какое впечатление ее появление в нашем доме произвело на моих родителей, она только посмеялась. И тут же призналась, что в Риге, в нашем родном отделе НИИ, где мы с ней работали, узнав, что она засобиралась в аспирантуру в Москву, над ней тоже все стали подшучивать, мол едет в Москву покорять не науку, а меня. Рассказывала и при этом так заразительно смеялась, подтрунивая и над собой, и над мной, и над всем светом. И было все так легко, все так просто и понятно в этой жизни!

Но, это все было до появления Оли.

.... Наши с Олей визиты на семейные обеды к моим родителям, как правило, заканчивались затяжным Олиным молчанием и моими душевными терзаниями. На работе у меня тоже все складывалось не лучшим образом. Нахватав задач по различным хозяйственным договорам, дабы побольше заработать, на науку времени совсем не оставалось. Защита диссертации все откладывалась и откладывалась.

Похоже, звезды складывались не в нашу с Олей пользу.

.... А тут Олина беременность! Нашей семье, казалось бы, был дан еще один шанс. В доме появилась Олина мама Надежда Петровна. Она наконец-то распаковала подаренные нам еще на свадьбу кастрюли и посуду. В доме запахло едой. Начались совместные завтраки и ужины, походы в театры, кино.

Удачно решили мы и квартирный вопрос. В советские времена это делалось обментами, различными рокировками и незначительными доплатами. В результате мы стали обладателями четырёхкомнатной квартиры в центре в доме послевоенной постройки. Это, в последствии,

когда будет возвращаться довоенная собственность их прежним хозяевам, окажется немало-важным и избавит нас от огромных волнений.

В те далекие времена, коммунальные расходы были такие мизерные, что наш семейный бюджет не только не пострадал, но и пополнился пенсией Надежды Петровны.

.... Катя, вернувшись из Москвы, перешла на преподавательскую работу в университет. Она успешно закончила аспирантуру, подав свою работу в Ученый Совет Латвийского университета. В ее диссертации были ссылки на мои еще не опубликованные результаты, поэтому, по настоянию нашего руководителя, мне надлежало либо их срочно опубликовать, либо представить свою работу к защите. Все были крайне заинтересованы побыстрее закончить эту эпопею с диссертациями.

.... В советские времена научная степень гарантировала материальный доход намного выше среднего. И началась наша с Катей совместная работа. Иногда это происходило в институте, где я работал, но чаще у нас дома.

Как известно, научная работа не регламентирована. Оформляя один результат, появляется мысль как его можно улучшить или обобщить. Часто возникает желание бросить старое, теперь уже кажущееся малозначимым и совсем неинтересным, и заняться другим более важным и более интересным вопросом.

.... Катя, забегая к нам, убеждала меня, а порой просто настаивала наконец-то на чем-то остановиться. Математический язык, на котором мы говорили с Катей, обсуждая наши результаты, всегда вызывал изумление у моих домашних. Надежда Петровна, угощая Катю чаем, удивлялась, на каком это языке мы щебечем.

Оля к Кате относилась с особым каким-то интересом. Она удивлялась как такая молодая и привлекательная девушка может так бездарно и так скучно тратить свои лучшие годы. И всегда с нетерпением ждала окончания нашей работы, чтобы поболтать с Катей как о духовном, так и материальном в этой жизни.

Но, Катюша вечно куда-то спешила и опаздывала и, видимо, становится Олиной подружкой ей не очень-то и хотелось. Эти посиделки, как правило, не затягивались.

.... Наконец мой автореферат был написан, работа переплетена, оппоненты назначены. Диссертацию я подал в Ученый Совет Латвийского университета, что ускорило время моей защиты и удовлетворило моего руководителя.

Казалось, жизнь начинает налаживаться!

.... Первая половина Олиной беременности протекала легко. Но, узнав, что будет двойня, она забеспокоилась. Стать матерью двоих детей в 25 лет ей казалось неправильным и несправедливым. Я был свидетелем, как однажды Надежда Петровна пыталась сказать ей, что расти двоих детей одновременно не так уж и плохо.

– Только не для меня, – резко оборвала она мать.

И я впервые услышал в ее голосе металлические нотки.

За месяц до родов Олю положили в больницу на сохранение. Тяжелые роды, кесарево сечение и затяжная послеродовая депрессия – вот что нас ожидало в скором будущем.

.... Помню, мы приехали забирать Олю из роддома, нас уже там ожидали мои и Олины коллеги. Среди них была и Катя. Мы с Олей вышли из роддома, неся каждый по драгоценному кулечку. Все бросились поздравить Олю с рождением двойняшек. А Катюша подошла к нам с Надеждой Петровной со своим маленьким букетиком моего любимого цветного горошка и протянула его мне.

Где она смогла найти ранней весной эти летние цветы, непонятно? Ни о каком фотографировании я тогда, конечно же, не мог и думать.

.... А три года спустя, на нашу с Катей свадьбу, мы получили от моего приятеля в подарок бесценную для нас фотографию. На фоне роддома гордый папаша рассматривает личико своего ребенка, а рядом стоят улыбающаяся Надежда Петровна и Катюша со своим скромным букетиком. Именно эта фотография сейчас и украшает первую страницу Диминого альбома.

.... Основную заботу о детях на себя взвалила Надежда Петровна. Я был на подхвате: подгузники, детское питание, прогулки с детками. В помощь взяли приходящую няню. Уставали страшно.

Но все это компенсировали две одинаковые премиленькие мордашки, отличающиеся лишь маленькими родинками: у Димы на правой бровке, а у Машеньки на левой. Вели они себя очень тихо и спокойно, словно чувствуя, что маме трудно и сейчас не до них

.... Спустя два месяца Оля была уже в прекрасной форме и засобиравалась на работу. Вначале на полставки, а через месяц уже уходила утром, а возвращалась после шести. Ответом на мою просьбу помочь Надежде Петровне вынести коляску были большие удивленные глаза и вопрос:

– А где няня и разве мама не справляется?

Детки уже сидели, аукали, возились со своими игрушками. Забавно было наблюдать как быстро они растут. Забавно всем, кроме их мамы. Ну, а дальше все банально, банальней не придумаешь. Очень часто Олю домой подвозили на машинах коллеги, хотя весь путь пешком до дома через красивейшие парки занимал не более десяти минут!

– Да им все равно по пути, – отшучивалась Оля.

Менялись марки, менялись цвета машин. Но, с некоторых пор, машина красного цвета стала мелькать все чаще и чаще, а Оля начала приходить с работы все позже и позже. А я все чаще и чаще стал ожидать ее возвращения, стоя у окна и волнуясь, чтобы с ней ничего не случилось.

.... И вот однажды, подвезя Олю к дому, машина не уехала. Сердце мое сжалось от предчувствия чего-то нехорошего, я не мог сдвинуться с места. Оля забежала в спальню, через некоторое время вышла оттуда с небольшой спортивной сумкой и подошла ко мне. Мое горло сжимала спазма, и я не мог произнести ни слова. Оля тихо сказала:

– Спасибо, – повернулась и ушла.

За что спасибо? За то, что не остановил, не побежал догонять, за то, что не стал скандалить?

Но ведь она прекрасно знала, что и я, и Надежда Петровна сделал бы все, лишь бы она была счастлива.

.... Дальнейшее развивалось как-то слишком уж стремительно. Через пару недель я уже был повесткой вызван в суд. Оля в суд пришла в сопровождении красивого молодого человека. На суде все переговоры проходили через адвоката. Развели нас мгновенно, разделив детей.

Надо отметить, такая практика в те времена, при условии, что родители самодостаточны, была принята.

.... Уже через неделю этот молодой человек, волнуясь и заикаясь, на смешанном русско-латышско-немецком языке говорил мне о своей любви, о том, что с ним Оля с дочкой никогда ни в чем не будут нуждаться и будут счастливы, что он дипломат, что срок его работы в Латвии кончился, и, зная, как сильно я ее люблю, он меня просит подписать бумаги, позволяющие Оле вывезти ребенка за границу.

Я смотрел на него и узнавал себя. Удастся ли ему сделать то, что не удалось мне?

И, конечно же, я был готов сделать все, лишь бы Оля была счастлива. Бумаги тут же появились передо мной. Все бумаги были оформлены по форме, с заверенными нотариусами переводами.

Через пять минут после его ухода появилась Оля. Взяв на руки наспех одетого ребенка, она что-то тихо сказала матери. Я услышал только как Надежда Петровна жестко ответила:

– Нет.

Оля, подойдя к двери, обернулась и почему-то опять, обращаясь ко мне, сказала:

– Спасибо.

Спасибо за что?

За то, что позволил резать по живому!

За то, что согласился не видеть своего ребенка, и даже нормально не попрощался с ним!

За то, что позволил бросить полугодовалого сына и забыть о его существовании!

Наконец, позволил лишить возможности матери встречаться с дочерью и видеть, как растет ее внучка!

Сколько людей еще нужно сделать несчастными для того, чтобы осчастливить нашу Оленьку!

Я обязан был еще раньше сделать все, чтобы этого не допустить!

Но, сейчас не время начинать копаться в себе, анализируя свои ошибки и посылая голову пеплом.

Нет! Только не сейчас!

Никогда больше я не позволю кому-либо обидеть моего сына и эту пожилую женщину, черную и сгорбившуюся от горя, но ставшую мне такой близкой и родной.

Мы видели, как выскочив из дома, Оля с Машенькой попали в объятия молодого человека.

Они смеялись и были счастливы! Им все удалось!

А мы с Надеждой Петровной стояли у окна и наблюдали, как наша любимая Оленька, разодрав нас в клочья, бежала за своим счастьем.

Я не чувствовал ни боли, ни огорчения. Я наблюдал за всем происходящим, как бы со стороны, и думал о том, что мы с этого момента стали совсем другими! Надежда Петровна, полагаю, думала о том же. Да, мы были побиты, но мы не были раздавлены. И я чувствовал огромную ответственность за этих двух существ, абсолютно беззащитных и доверившихся мне.

Я обязан их защитить, и я это сделаю!

Глава 3.

.... Уже через неделю я успешно защитил свою диссертацию. Катюша присутствовала на моей защите, поздравила, но на банкет не пришла, сославшись на занятость.

Через месяц мы, все ее бывшие коллеги, поздравляли уже ее с успешной защитой. Она была страшно смущена вниманием к своей персоне, всех поблагодарила, отметив, что без моего участия и помощи ей это вряд ли бы удалось.

.... Время бежало быстро. Надежда Петровна занялась благоустройством нашей жизни. Мне был выделен отдельный кабинет, вся мебель в котором была обновлена. Димина детская представляла собой образец детской комнаты.

День Диминого дня рождения решили отметить походом в зоопарк и вечерним чаепитием с моими родителями.

Май, все цветет и благоухает. Восторги, еще не очень уверенно шагающего малыша, при виде мелких зверушек и полное не восприятие больших, все это удивляло и умиляло. Возвра-

щался я уже со спящим сыном на руках. А дом нас встречал разноцветными шарами, гирляндами и вкусными запахами.

Оказалось, не полагаясь на свой вкус, Надежда Петровна позвонила Кате и попросила помочь ей организовать этот маленький праздник для малыша. Та с радостью согласилась.

Вечером Диму нарядили, накрыли стол и стали ждать гостей. Приход Кати с огромным тортом, специально по этому случаю заказанным, казался таким естественным и ожидаемым. А надпись на торте: «Диме 1 год!» – привела всех в восторг.

Лето мы с Димой и Надеждой Петровной провели в Юрмале у родителей на даче.

Катя все лето занималась студентами, возила группу наших студентов в Германию, а затем принимала группу студентов из Востока.

.... Надежда Петровна, не встретив никаких возражений за свою инициативу в Димин день рождения, стала периодически просить Катю в чем-то помогать ей: то посидеть с ребенком, пока она сама сходит в поликлинику, то нужно Диме срочно сделать прививку, то пожить у нас пока я в командировке.

Каждый Катин приход вносил в наш дом радость и веселье. Но, уже один раз наследив в ее жизни, я считал себя не в праве интересоваться и спрашивать ее о личной жизни. Больше всего я боялся испугать ее своим вниманием.

Но, все решилось, само собой. Как-то Надежда Петровна, почувствовав себя плохо, попросила Катю приехать. Подходя к дому, я встретил спешащую к нам Катю. Увидев, подъезжающую к нашему дому скорую помощь, мы бросились в нашу квартиру. Дверь была не заперта, Надежда Петровна ожидала приезда врачей. С криком:

– Па, па! Ма, ма! Дюша болеет! – к нам навстречу бросился Димка.

Врачи сделали Надюше, а именно так ее звала Катя, укол и приписали: семейного врача и постельный режим, который она, как мне теперь кажется, специально послушно исполняла целых две недели. Но, в этом уже не было никакой необходимости.

Димочка за нас с Катей сделал все необходимое!

.... 26 лет пролетели как одно мгновение! Были взлеты, были и падения, а вот стабильности не было. Жили, как на вулкане!

Пережили смутное время, так называемой «перестройки». С восторгом приняли независимость нашей маленькой Латвии. Многим казалось, что в маленькой, уже почти европейской стране, можно легко навести порядок. Но, к сожалению, это была лишь иллюзия. Как говорится: «Кто платит, тот и заказывает музыку». Платили из-за рубежа, и музыка для многих оказалась довольно горькой:

– закрывались заводы, чья продукция западу была не нужна, а восток сам находился еще в больших руинах;

– дома переходили в собственность их прежних, еще довоенных, хозяев. В результате, многие либо лишались своих квартир, либо были вынуждены платить за метры втридорога;

– требование знания государственного языка, практически для всех профессий, лишило работы, а значит и средств к существованию, массу людей;

– на знаменитом Рижском базаре прежде торговавших стареньких бабушек сменили оставшиеся без работы по вышеизложенным причинам высококвалифицированные сотрудники НИИ;

– возрождённая Республика оставила почти 40% населения без гражданства.

Нашей семье пришлось пройти весь этот путь. Катя получила гражданство автоматически, как потомок граждан Латвии, живущих здесь в период ее довоенной независимости. Самое интересное, доказательством этого факта послужил «аусвайс», выданный ее матери немцами в период оккупации, и, по странной случайности, сохранившийся среди старых бумаг. Дело в том, что все необходимые документы, свидетельствующие о рождении и браке ее родителей, сгорели в Лестене во время войны.

Дима тоже был автоматически удостоен такой чести, как сын гражданки. Мне же для этого пришлось пройти всю процедуру: от написания сочинения на заданную тему до исполнения гимна. Надюша, занимаясь домом и Димой, этот вопрос просто проигнорировала.

И я, и Катя заканчивали в Риге школы с русским языком обучения, поэтому нам пришлось еще сдавать экзамен на категорию, подтверждающую достаточность наших знаний государственного языка для работы в университете.

А вот с квартирой и дачей нам сильно повезло! Дом наш был послевоенный и построен на государственной земле. А дача была куплена моими родителями еще в до перестроечного времени у хозяйки, которая владела ею еще до войны. Более того, сохранились даже подтверждающие этот факт документы.

В эти трудные для всех годы наши мизерные академические зарплаты изредка подпитывались европейскими грантами.

В общем, скучно нам не было! Но все это сильно отвлекало от науки, и что, особенно жаль, не позволило нам с Катюшей подумать о втором ребенке.

Но мы – молодцы, в основном, справились!

Глава 4.

.... Марта была девушка разумной, аккуратной и пунктуальной. Ставя перед собой задачи, как правило, выполнимые, она последовательно доводила их до конца, не позволяя возникающим жизненным проблемам выбивать ее из намеченного плана и ритма.

А сейчас она была в замешательстве.

Она со своей сестрой Марией, которая с приемными родителями живет в Швейцарии, условились, что, вступив в наследство, первое, что они сделают, это будет ремонт родового имения, унаследованного ими от отца.

Вот уже почти полгода она занимается этим процессом, отнимающим у нее массу времени и нервов, согласовывая с сестрой только финансовые вопросы.

Тетка Эрна, арендовав на время ремонта шикарную квартиру в центре Берлина, моментально устранилась, ввалив все проблемы на Марту, требуя при этом, чтобы ремонт дома и приведение в порядок всей прилегающей территории должен быть закончен к концу года.

Мария помочь практически ничем не может, так как стажирется в Бостоне. В дополнение к этому Марта руководит рекламным отделом фармацевтической компании, единственной владелицей которой является тетка Эрна. И, несмотря на то, что ремонт ведется самым лучшим строительным подрядчиком города, и за этим следит Артур, управляющий имением, конца края работе не видно. И Марте этому вопросу приходится уделять массу времени.

.... Месяц назад, разбирая в библиотеке отцовские бумаги, один заверенный нотариусом документ на красивом бланке, написанный на русском с переводом, видимо, на какой-то восточноевропейский язык, привлек ее внимание.

С удивлением она прочитала, что некто Николай Соколов дает разрешение своей бывшей жене Ольге Соколовой, выезжая на постоянное место жительства в Германию, взять с собой дочь Марию Соколову. Перечитав несколько раз, она с ужасом поняла, что речь идет о ее любимой сестре. Первой мыслью было поговорить об этом с теткой Эрной.

Но, поразмыслив, Марта от этого отказалась. Если это тайна для Марии и для всех окружающих, значит, так хотел папа!

.... Много в ее сознании теперь становилось на свои места. Она до сих пор никак не могла понять, как ее отец, безумно любящий свою жену Ольгу, мог одновременно какое-то время иметь связь с ее мамой? Ведь Марта была старше Марии всего на десять дней. Это на отца было так не похоже!

По маминым воспоминаниям, с самого раннего детства ее связывала дружба с папой и дядей Эриком. Мама с восторгом рассказывала Марте какой это был прочный и очень трогательный треугольник!

Со слов Эльзы, мамы Марты, она была безответно влюблена в легкомысленного папу, сына богатейшего немецкого финансиста Отто Коха, живущего по соседству их маленького, утопающего в цветах домика. А вот в нее долго и совершенно безуспешно был влюблен Эрик, сын садовника в имении Кох.

.... Да, отец никогда не был женат на маме. Но это не помешало ему и его семье меня не только признать, но и принимать участие в моем воспитании. Да, что там принимать, полностью заниматься моим воспитанием. Сколько Марта себя помнила, они с Марией постоянно были вместе и дома, и в школе. Сестричку она покидала очень редко и на очень короткое время, когда мама возвращалась с гастролей. Скучая по маме, она, не в меньшей степени, скучала по Марии, когда их разлучали. Боясь этим обидеть свою маму, Марта старалась не показывать это ей, но та чувствовала. На то она и мама! И маленькая Марта все это мучительно переживала.

Конечно же, работая какое-то время в Латвии, папа мог полюбить женщину, жениться на ней и домой уже вернуться с маленьким ребенком. Похоже, ни у кого это не вызвало ни сомнений, ни вопросов. Для всех: Ольга – его любимая жена, Мария – его дочь и моя сестра.

И если отец, находясь на дипломатической службе, и, будучи еще холостым, в течение трех лет после дедушкиной смерти, успешно руководил семейным фондом, то, вернувшись из Латвии, он бросил службу и занялся, в основном, любимой женой.

.... Папа безумно любил свою жену, стараясь предугадать все ее желания. Из брюзжаний тетки, Марта знала, что папа, потакая жене, растратил уйму средств из руководимого им семейного фонда. Это был капитал, оставленный дедушкой им всем в наследство.

Папина жена Ольга была действительно очень красивая женщина. Улыбка не сходила с ее лица. Ко всем она относилась несколько покровительственно. И, как Марте казалось, все вокруг относились к ней с глубочайшим почтением и даже немножко побаивались. Она чувствовала себя хозяйкой этого большого, красивого и уютного дома. И бабушка, и тетка Эрна как-то молча, да их никто и не спрашивал, с этим смирились.

С Эльзой, мамой Марты, папина жена всегда была очень приветлива и доброжелательна. Когда Эльза приходила за дочерью, Ольга обычно выходила навстречу и, при любой возможности, с удовольствием, вела с ней долгие беседы, от которых мама никак не могла отвертеться. После таких встреч Марта часто видела заплаканное мамино лицо и не очень понимала почему. Ведь все было так мило и так красиво!

К Марте Ольга относилась ровно, как, впрочем, и к своей дочери Маше, как она ее называла. Воспитание дочери препоручала многочисленным гувернанткам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.